ЦЕНА 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП.

Апрель 1928 г. № 4 (17).

Рис. В. Гильберта.

Анюткин гусак

Рассказ В. СТАРЦЕВА.

ТАКОЙ уж обычай исстари: когда невеста выходит замуж, должна привести в приданое ярку. Но где взять ярку бедному Анюткину отцу, когда во всем дворе у него не было ни одной скотины, кроме гусака? И тот появился во двор во время революции. Громили тогда помещика Ухова. Село, точно во время пожара, было в суматохе. Кто бежал с одежой, кто с креслом, кто с мешком... Гнали скот, кричали на непослушных животных...

Анютка, видя все это, сразу поняла, что отнимают добро у помещика. Она знала, что все село готовилось к этому. Значит так и нужно было. И она, Анютка, должна делать то же, что и все.

Анютка, накинула на голову платок и побежала по скользкой дороге к помещичьей усадьбе. В дверях помещичьего дома сосед Сидор, маленький старичок, пыхтел над огромным столом, который упрямо не хотел выходить. Сидор суетливо посторонился, чтобы дать дорогу Анютке, и с прежним усердием принялся за дело, так что затрещали и стол, и дверь.

В первой розовой комнате на полу под валявшимся портретом Анютка увидела подушку. Мигом схватила ее Анютка. Осмотрелась кругом — ничего больше не было. Подняла было портрет, но тут же бросила его в угол. С подушкой Анютка бросилась из дома.

Дед Сидор складывал в телегу части уже сломанного стола.

Анютка была рада и подушке и, счастливая, бежала по двору, не видя ничего перед глазами.

Так больше ничего и не увидела бы Анютка, если бы не гусиный крик, раздавшийся совсем близко. Анютка осмотрелась, заглянула под навес и за розвальнями увидела гусака. Он, повидимому, забежал туда, спасаясь от погони. Гусак, испугавшись Анютки, с криком, отчаянно размахивая крыльями, пустился из-под навеса во двор.

— Тега! тега! — позвала Анютка.

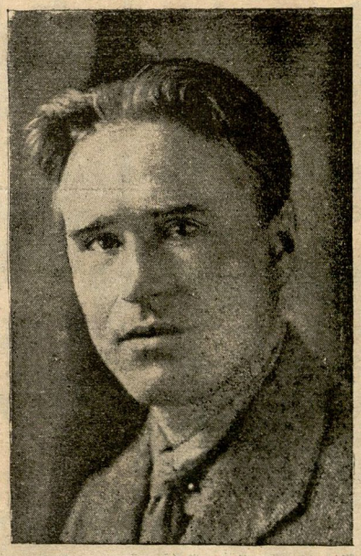
Гусак повернул к ней голову и отозвался. Он узнал Анютку: она работала в имении помещика и ухаживала за птицей и скотом.

Когда Анютка подошла к гусаку, он покорно присел. Анютка вдвое обрадовалась и так прибежала домой, держа под мышкой гусака, а в руке подушку..

II.

Степан Дутый по наружности человек приметный. Его фигуру, вышиной под крышу деревенской избы, с длинными руками и лениво передвигающимися ногами, можно издалека узнать. Из под нависшего безбрового лба смотрят в упор, не моргая, белковые глаза, а лицо все заросло пухом.

На селе побаивались Дутого. Завидя еще издали его фигуру, улыбались заискивающе ему, но он не обращал на это внимания. Дурачества за ним водились не шуточные. На игрищах ни с того, ни с сего вдруг ударит Дутый первого попавшегося под руку парня и любуется, как тот кувыркается. Если же обиженный вздумает спросить, за что ударил, Дутый, не торопясь, и как бы нехотя, ударит недовольного еще раз и ничего не скажет.

В. СТАРЦЕВ.

Несколько лет был батраком у крестьян села Иевлева, д. Дубовки и у помещика при д. Настасьине, Богородицкого у. Затем в городах и селах России и Сибири был и в услужении, и чернорабочим, и конторщиком Участвовал в гражданской войне. Последние семь лет—на газетной работе—в Ново-Сибирске, Петропавловске, Тюмени и Туле.

Попадется на глаза Дутому какой предмет и стоит намекнуть ему,—что, де, видишь: стоит,—сейчас этот предмет в руках Дутого меняет свою форму: валились им целые стога, большие воза с сеном перевертывались вверх колесами... А однажды оставил его сосед, дед Сидор, воз с соломой на мосту, — ось сломалась, и, пока бегал домой за новой осью, — его солома уже плыла вниз по течению реки и пылала огромным факелом, освещая багровым светом собравшихся на невиданное зрелище жителей всего села.

И думать было нечего, что это дело миновало рук Дутого.

За Дутого и вышла замуж Анютка, принеся в приданое барского гусака. А вышла она просто: посватался Дутый, из'яна большого в нем нет. Да откуда ждать лучшего жениха батрачке Анютке? Чудачества Дутого — беда небольшая, коль даже уважают его за эти чудачества Он мужик и дела его бабы не касаются, а ее-то дело небольшое: справляйся с домашним хозяйством.

Так просто думала Анютка и в замужестве не видела большой перемены: работала раньше много,— с измальства работала, и у отца, и в людях; теперь будет работать у мужа.

И стала работать. Но у ней оказался свой „карахтер“. Она работала с первых дней все по хозяйству и, видя, что муж только сидел на заваленке, или уходил в солому спать, Анютка, раскрасневшись за работой и выведенная из терпения, кричала:

— Что ж ты сидишь, домовой! Косить-то кто за тебя будет? Рожь осыпается!

Дутый неохотно отвечал гудящим голосом: „ну, ну!“, лениво, точно какую тяжесть, подымал кулак и показывал Анютке. Если Дутому бывало не лень, он подходил к Анютке, ударял ее не больше, чем один раз, и шел прочь, хоть и продолжала его в слезах ругать Анютка, крича, что она его не боится, что ей тоже не много надо, а возьмет и плюнет на все: пропадай прахом! Но после этого, скоро успокоившись, она брала крюк и шла за мужа косить хлеб.

На вопрос баб, справлявшихся о синяках на Анюткином лице, Анютка отвечала просто, шутя:

— Мужнин кулак с полки свалился...

Впрочем Дутый не всегда бывал ленивый: иногда он брался за работу норовом, долго, без устану, ворочал как мерин; работа кипела в его неуклюжих руках. И с людьми у него в ту пору бывали человеческие отношения: с удовольствием перекинется с кем-нибудь парой деловых словечек. Даже шутил к месту. Но это настроение вдруг сразу обрывалось, Дутый бросал дело и тут же шел с поля домой, конечно, не без того, чтобы не задеть кого нибудь из встречных. Только к женщинам он относился с бо́льшим снисхождением; попавшихся к нему в лапы любил поднимать вниз головой и кроме этой шутки ничего себе не позволял...

Большой радостью для Дутого было, когда в его дворе появился заморской породы гусак, принесенный Анюткой. Гусак этот с презрением относился ко всем существам, набрасывался на четвероногих и людей, долбил носом и даже сбивал с ног

крыльями. Дутый подружился с гусаком, часто его можно было видеть гуляющим с ним по селу. Гусак, вытянув похожую на удава шею, набрасывался на встречных гусаков и многих забивал на смерть.

Главное достоинство этого гусака было то, что ежегодно от него гусыня высиживала по десятку породистых гусенят. Этим тоже был доволен Дутый и, не успеют гусята опериться, как под плач жены, Дутый отрубал им поочередно головы и сытно обедал..

III.

Гусак ли был причиной тому случаю, который изменил всю Анюткину жизнь—сказать трудно, но только все началось с гусака. В бывшем Уховском имении открыли совхоз. К удивлению крестьян, управляющим совхозом был прислан Филька, барский пастух, который был сослан семь лет назад за поджог Уховского гумна и бог-весть откуда появившийся.

Крестьяне знали Фильку отчаянным парнем, с детства работавшим подпаском у помещика, потом уходившим на заработки в города. Но в последний год его пьяница-отец, задолжавшийся кругом Ухову, вздумал отдать Фильку помещику в пастухи. Филька не хотел итти к помещику и потребовал от отца паспорт. Тот отказался выдать паспорт. Филька схватил отца за бороду и стал кричать:

— Подавай докумéнт!

У Фильки отняли соседи отца, кричавшего, что его убивает родной сын, паспорта Филька не получил и с весны нанялся в пастухи к помещику. А когда был собран урожай—загорелось помещичье гумно, сторож узнал в убегающем поджигателе Фильку. Фильку привели к месту пожара, окруженного толпой жителей всего села. Они стояли, ничего не делая, зачарованные огнем, пожирающим огромные скирды и взмахивающим огненными крылами до самого мутно-багрового неба.

Привели связанного Фильку к барину. Филька гордо и с усмешкой взглянул на барина блеснувшими от огня глазами. Барин было вздумал закричать на Фильку, но, видя вызывающую усмешку на его лице, замолчал. Он пошел прочь от Фильки. Его сопутствовала кучка соболезновавших ему мужиков. Барин держал голову вниз, отчего подбородок его двоился. Он смотрел на свои лаковые сапоги, игравшие бликами огня, и отрывисто сопел. На замечание Лариона—старосты, что вот, подишь ты, какие бывают люди на свете, барин, как бы не слушая, говорил свое:

— Дерево вот жалко: три века дереву и еще бы стояло, да вот сгорело...

Сопутствовавшие мужики спешили согласиться, что верно, жалко д е р е в о; роскошное дерево...

———

На сходку Филька вошел бойко.

— Здорово, земляки! Вот и я к вам. Не ждали?

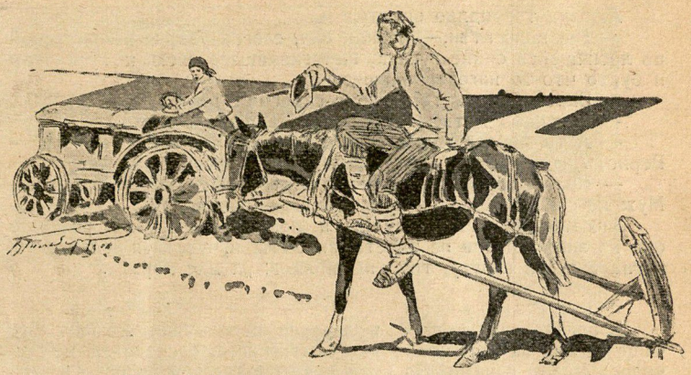
Поздоровался со всеми. Перекинулся несколькими словами о том, как живется.

— Живем—хлеб жуем, Филипп Митрич,—отвечали, разглаживая бороды, крестьяне, наблюдая за Филькой, который, как будто, был прежним Филькой с бойкими глазами и веселым простым лицом, и даже черная, со складками, толстовка не изменила этого лица. Но несмотря на это в Фильке сразу заметили человека с понятием, как они называют, и близкого к ним по своей простоте.

Филька, улыбнувшись, заговорил просто, что вот он приехал работать с ними. Работа известная, а без обоюдной помощи делать ее нельзя. Совхоз—не помещик. Совхоз работает на помощь им, на помощь всему государству. Совхоз поможет им вести сельское хозяйство, будет помогать машинами, культурными семенами...

Веревкой его! Без веревки не поймать!

Дутый молча поклонился, сняв картуз.

Старики слушали Фильку, улыбались многозначительно, сразу оценили его, как делового человека,—что вот парень, пропащим его считали, а он сумел пробить себе дорогу и получить хорошее место. Верить они ему, что совхоз, будто, им же даст пользу, не верили. Только молодежь горячо поддержала Фильку:

— Пора бросить дедовские обычаи! — горячился комсомольский секретарь Никитка—по-культурному надо жить!

Комсомольцы составили резолюцию о необходимости смычки с совхозом. „За“ голосовали и старики. Поговорили еще „по душам“ с Филькой; будто бы и соглашались с ним, все же выходили со сходки с сомнительным кряхтеньем...

IV.

Анютка гоняла своих гусей к речке мимо совхоза. Белые постройки, утопающие в зелени стройных тополей, воскрешали в Анюткиной памяти ее девичьи дни. С ранней зари до темна работала здесь Анютка, а после работы, беззаботная, спешила на игрище; звонко пела песни на росистом лугу и босая пускалась в пляс в кругу девок и ребят. Был ее другом с самого детства Филька—пастух. Подруги называли ее в шутку невестой Фильки, и Анютка была довольна этим... Фильку куда-то сослали и скоро забыли его на селе. Потом Анютка вышла замуж.

Теперь у нее другая жизнь,—муж—хозяин над нею, тяжелые кулаки которого часто испытывает на себе Анютка, и каждый день забота о хозяйстве. А нужно оно ей, это хозяйство? Анютка не могла на это дать точный ответ. Сначала она думала, что скучные, нелегкие дни ее жизни, в которой мало радости, но много горя и забот—неминуемый удел женщины на всю ее жизнь. Но потом стала задумываться над своей жизнью,—не мила и до того горька она была подчас, что ненужным казалось хозяйство, которому отдавала все свои силы Анютка. Часто ее стала посещать мысль: не лучше ли снова пойти работать в люди?

Как-то, после побоев от мужа, Анютка сильно разрыдалась и в волнении высказала вслух свои мысли:

— Брошу!.. Уйду!..

Дутый в ответ на это расхохотался во все горло...

Тяжело думать о своей жизни Анютке, когда не знаешь, куда деться...

Как бы желая освободиться от дум, Анютка встряхивает головой и спешит гнать гусей к речке, ударяя их хворостиной, будто и они виноваты в Анюткином горе...

Прогоняя гусей мимо совхоза, Анютка хотела встретиться с приехавшим в село Филькой. Случилось, что Филька заметил, узнал Анютку и вышел ей навстречу.

— Здравствуй, Анна Михайловна, — протянул руку Филька.

— Здравствуйте, Филипп Митрич,—сказала в ответ Анютка, наклонив голову.

— Как живешь-то?—спросил Филька и, как прежде, не стесняясь, положил руку на плечо Анютке. — Семьей живешь, я слышал?

— Живем, как и все,—пряча глаза, отвечала ровным голосом Анютка.

Они помолчали. Анютке почему-то припомнилось, когда они с Филькой, еще детьми, пася барскую скотину, купались в речке, брызгались водой и, грязные, точно арабы, бегали по лугу. Потом стали стыдиться и купаться ходили уже по разным местам. Загорелые, босые, они лазали по деревьям, обрывали черемуху. Вкусно ели печеную картошку у костра, и Филька рассказывал веселые рассказы, которые выдумывал сам, а она, Анютка, звонко хохотала...

Вспомнив это, Анютка улыбнулась и взглянула на Фильку. Он такой же, как прежде, стоял со спокойной улыбкой и вот, кажется, сейчас что-нибудь расскажет веселое.

Анютка торопливо оглянулась.

— Ну, надо итти,—бросила она, слегка ударяя хворостиной по лоснящейся спине гусака, вытягивавшего шею к гусенятам и будто что-то наговаривавшего им.

— Барский гусак-то?—вдруг спросил Филька.

— Барский. .—ответила Анютка.—Приданое мое...

— А ты продай нам его,—неожиданно попросил Филька. – Верно, Анют, продай: нам производитель в совхоз нужен.

— Право, не знаю,—ответила в нерешительности Анютка.— Муж не согласится... Ты ведь знаешь—он шальной...

Анютка еще раз оглянулась и, повторив несколько раз, что она не знает, право не знает, как быть, и, чувствуя неловкость, погнала гусей к лугу, тихо промолвив: „а мне пора“...

V

В предпокосную пору в деревне передышка. Анютка все чаще бегала на луг, чтобы навестить гусей, беспокоясь, не случилось ли что с ними. По пути всматривалась в чащу совхозовского сада и видела, как где-то за канавой, снимая кепку, кланялся ей Филька.

Встречаясь близко, они говорили не о том, о чем думали; говорили чаще о хозяйстве. Филька рассказывал про совхоз и не забывал упомянуть о „производителе“. Анютка понимала Фильку и молчала.

Однажды встретившись на лугу в ту пору, когда воздух до ощутительной густоты насыщают запахи предпокосной травы и цветов, когда пчелы, зарываясь в лепестках, спешат собрать мед с догорающих разноцветными огнями цветов, когда и кузнечики, и птицы, и колосистая рожь под ветром, и все кругом звенит и поет, прославляя лето,—Анютка и Филька поняли, что им больше нечего друг от друга скрывать. Они сидели в густой траве заливного луга у речки, где когда-то проводили дни пастушьего детства.

— Ты, Филя, помнишь, когда мы тут играли, венки плели и в речку бросали,—говорила Анютка, ломая высокие былки травы —Купались...—добавила она.—Вот дураки-то были!

Филька, что-то думавший до этого, обнял Анютку одной рукой.

— Анюта,—заговорил Филька.—Довольно нам скрываться. Уходи ты от мужа... Я знаю, как ты живешь.. Приходи ко мне... А если не хочешь за меня выходить, работа в совхозе найдется.. Так же нельзя жить!

Анютка в ответ только любовно и доверчиво прильнула к Фильке...

VI

Впервые почувствовала свою силу против мужа Анютка. Она прямо заявила ему:

— Степан, я ухожу... в совхоз. работать... Совсем от тебя ухожу!

Дутый было расхохотался, даже пошутил: „ух ты!.. тише, военный — ноги поломаешь!“, но, видя, что Анютка принялась складывать и связывать в узлы свои вещи, постоял минуту у порога, опустив длинные руки, и отправился к себе в сарай на солому. Он лег, широко раскрыв перед собой неподвижные глаза; засопел, раздувая ноздри.

Через некоторое время кто-то со смехом крикнул за сараем:

— Дутый, жена к Фильке сбежала!.. С гусаком!

Дутый бешено вскочил, схватил жердь в углу и бросился бежать по селу, развевая лохмы волос, уваленные в соломе. Он бежал и рычал, точно растравленный зверь.

Анютка с узлом в одной руке и с гусаком подмышкой промелькнула меж деревьев усадьбы и скрылась в белом совхозовском доме.

Дутый, прибежав, толкнулся в дверь и зарычал:

— Открывай!

Потом стал жердью бить в дверь, от двери подбежал к окну. Зазвенели стекла, брызнув в стороны осколками.

Прибежал с револьвером Филька:

— Стой! На месте пришью, бандит!

Дутый в бешенстве набросился на Фильку. Собравшиеся совхозовские рабочие оттеснили Дутого. Прибежали им на помощь крестьяне с села. Обступили Дутого плотным кольцом. Он размахивает вокруг себя жердью и кричить в азарте:

— Подходи! Подходи!

Кто-т из толпы дал совет:

— Веревкой его! Без веревки не поймать!

Принесли возовую веревку и стали петлею накидывать на Дутого. Поимка скоро увенчалась успехом: перехваченный за туловище петлей, Дутый был свален, а затем связан веревкой. Он колотился о землю руками, ногами и головой и исступленно выл.

Когда милиционеры усадили Дутого на телегу, чтобы отвезти в город, он вдруг присмирел и опустил голову. А когда подвода тронулась, Дутый закричал, обращаясь к крестьянам:

— Простите меня, братцы! Простите, пожалуйста!

Он увидел у двери совхозовского дома Анютку и крикнул в ее сторону:

— Анна, прощай!

Подвода удалялась по селу, и несуразная фигура Дутого раскланивалась со встречными и просила у всех прощения...

VII

С Анюткой Дутый встретился через год, отбыв наказание в исправдоме. Дутый ехал пахать, сидя верхом. За лошадью волочилась соха, опрокинутая вверх сошниками Позади его нагонял, рыча и отфыркиваясь гарью, трактор. На машине сидела женщина. Дутый узнал под красным платком лицо Анютки. Это ошарашило его, и он только молча поклонился ей, сняв картуз.

— Здравствуй, Степан! С благополучным возвращением!

Трактор обгонял Степана. Удаляясь, Анютка крикнула:

— Что ж за семенами-то не приходишь!?

Степан смотрел в сторону уползающего с грохотом трактора и молча продолжал свой путь...

Весенняя любовь.

1. Недошедшее письмо.

Письмоносцы есть такие, верно,
Что работают прохладно, не спеша.
Им нет дела, что в иных конвертах
Вложены и сердце и душа.
У меня сомнений—половодье;
Не могу найти пропавший след —
Почему же от нее из загородья
Не приходит на письмо ответ.
Иль она замедлила со сдачей
Своего письма: — „и так влюблен“.
Иль мое снести в лесную дачу
Поленился. дьявол, почтальон.
— Полюбила, может быть, другого...
В сердце заструилась дрожь.
Грустного предчувствия тревога
Затянулась на долго, как дождь..
Ну, и что ж! Влюбляйся, дорогая.
Для того и на земле весна!..
Вдруг письмо:
„... знать, у тебя другая,—
Потому ты мне не шлешь письма“.
Сбоку мелким почерком приписка
Приютилась к строчкам, как в тени:
«Телефон Раздольного—сто тридцать.
Если не забыл, то позвони».

2. У телефона.

По часам, как будто, до занятий
Должен я успеть ей позвонить.
— Станция! Раздольное мне дайте!..
. . . . . .
— Слушаю,—знакомое звенит.
Я не знал, да и узнать не в силе,
По каким путям ко мне тогда
Голос ее нежный приносили
От людей украдкой провода.
— ... Вечерами квакает болото...
Звезды в росу сыплятся ручьем...
И сидишь и будто ждешь чего-то,
И не знаешь, думаешь о чем..
— Да. Бывает... Поезда-то, впрочем?..
Но она меня перервала:
— Как и прежде: приезжай с „рабочим“..
И опять, притихнувши, ждала...
И мне думалось—апрельским ветром
Где-то, как морской водой,
Вымывало на десятки метров
Наши голоса из проводов.
Я не знал, да и узнать не в силе,
По каким путям ко мне тогда
Голос ее нежный приносили
От людей украдкой провода.

3. Загородье.

Лес ли? Бор ли? Ели да осины.
Алые над лесом облака.
Радость ли стоит в вечерней сини
Или одинокая тоска?
Домик одинокий.. Сквозь гардины
Просевает лампа желтый свет.
Стукнул. За стекольной тонкой льдиной
Кудри закачалися в ответ.
Щедро небо звезды оросили.
И, как лебеди, уплыли облака...
Штору подняла и опустила
Мило загорелая рука.
Каждая секунда часом длится...
Встречи не с того ль так дороги?
Слышу прогинают половицы
Милые, знакомые шаги.
Тени в ночь прозрачно—голубые...
Встречи по ночам лишь хороши.
Вольно дышат груди молодые
В хвоей запорошенной глуши.
Небо... Звезды .. Ели да осины.
Тайна их, как наша, глубока.
Радость ли зовет в ночные сини,
Или одинокая тоска?

М. Кольчугин.

Весенние фото-этюды В. Мартынова.

Апрель.

Теперь вместо звонкой пороши
Звенит под окошком капель.
Привет тебе, месяц хороший,
Привет тебе, теплый апрель!

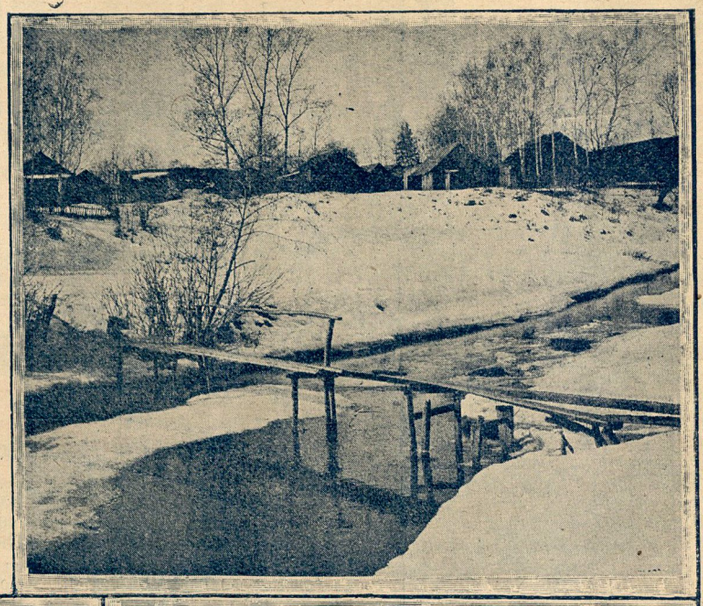
Я озабочен немножко:
Придет ли она, не придет?
Лишь вечер капельной гармошкой
О чем-то поет у ворот.

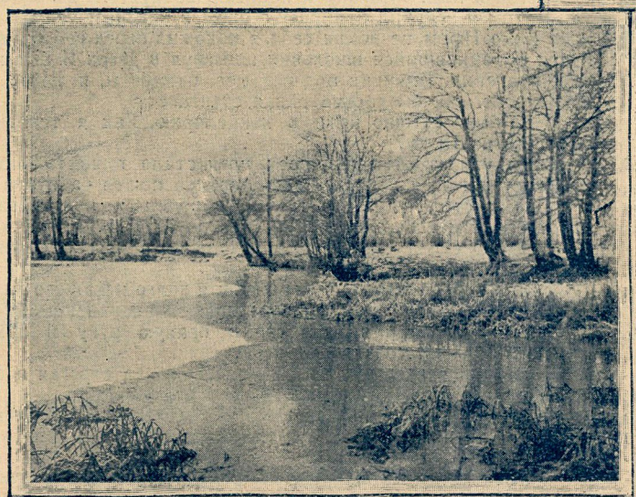
А месяца в звездной долине
Не видел и в осень таким...
Его словно кто-то закинул
Чорт знает с размахом каким!

Я рад, что в рассвете весеннем
Запутанно, невпопад
В раскрытые низкие сени
Мне утро грачи прокричат.

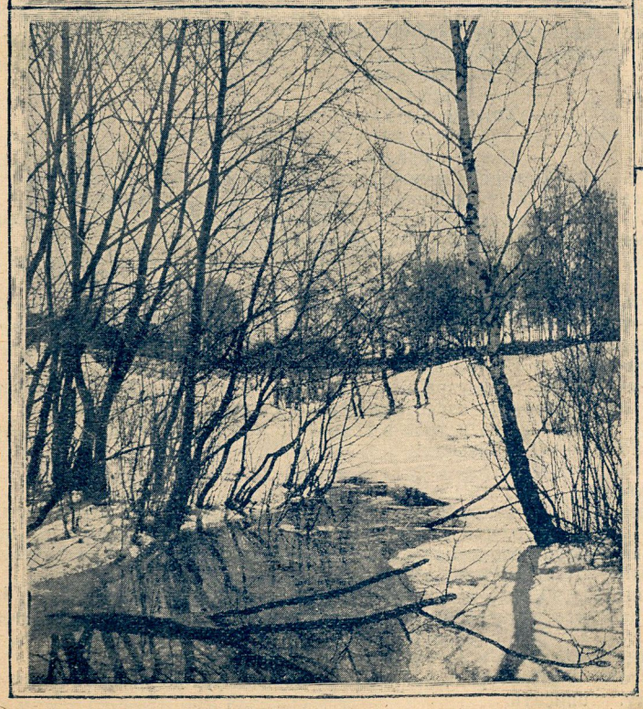
И я не могу без привета,
Коль город весною налит,
Коль тихая ночь до рассвета
Восточной звездой шевелит.

Александр Лесной.

Весной.

Ежатся мускулы.
Скоро бегать в трусиках.
У апреля русского
Русская музыка.

Речки раскованы,
Подкованы сердца.
Ветром зацелованы
Деревца.

Вскинь на меня глазки,
Будь ко мне добрей.
Видишь, какой ласковый
Молодец-апрель.

Будет цвета трав дуб
И не будет льда.
А скажи мне правду:
Любишь? Нет иль да?

Есипов.

Рассказ и иллюстрации С. ДМИТРИЕВА.

I.

НАША канцелярия—скучнейшая комната и всегда в ней туманом стоит табачный дым, потому что Иван Егорыч, архивариус, с утра до вечера пыхтит махоркой, несмотря на то, что сзади него висит об'явление: „просьба не курить".

Я с некоторых пор просто не переваривaю Ивана Егорыча, собственно с тех пор, как перевели к нам местком и за столом у окна стала сидеть Нюра Павлова.

Этого самого архивариуса Ивана Егорыча давно, небось, «с фонарями на том свете ищут» (говорю это, как поговорку, а не потому, что верю в „тот свет") — и весь-то этот старикашка—сморчок, хотя и не лысый еще, волосы у него седые, коротким бобриком. Я мог-бы его подробней описать, но просто не хочется, такой это противный тип, трясучка старая. Я как-то смотрю на него и вижу: сидит он, крыса старая, притих за бумагами и такая у него рожа умильная: рот разинут, губы дергаются и слюна, как у кобылы старой, а глазки пленочкой заволоклись и воззрил он их на Нюру, даже и не на нее, а на ее ноги, вытянутые под столом.

Мне стало противно, и я громко кашлянул и сказал:

— Товарищ Павлова, во сколько у нас завтра профсобрание?

Она мне ответила:

— Как всегда, после работы.

Тут Иван Егорыч встал и прошлепал валенками к двери.

Нюра была очень занята делом, и я стал смотреть на нее.

Описывать ее я не берусь, тут нужен художник, чтоб передать ее портрет. Ее лицо было в тени, только одна щека и пушистые кудряшки были освещены из окна, за которым ярко светился солнечный, февральский день и плыли белые клубы паровозного дыма.

— Товарищ Павлова,—говорю я, хотя мне хочется назвать ее просто Нюрой. Она поднимает глаза, смотрит на меня, и у меня начинает сильно биться сердце. У Нюры такие красивые глаза и что-то в них такое невыразимое и вся она такая красивая и мне стало грустно, потому что у такой красивой девушки непременно есть любовь.

— Что? — спрашивает Нюра.

Я от сердцебиения растерялся и не знал, что сказать, но в это время вошел Иван Егорыч, а за ним к Нюре пришел за какой-то справкой смазчик Потапов, прибежала машинистка, тощая и страшно наштукатуренная девица, и затрещал ремингтон.

На меня напала рассеянность, и я долго смотрел в окно.

Небо было голубое, как весной, и мне показалось что и на самом деле на дворе весна, но потом, когда уплыл паровозный дым, я увидел зимнюю картину: за линией белели поля, букашками ползли вдали по дороге обозы и по зимнему темнел за полем лес. Я знаю, что неблагоразумно отдаваться минутному настроению, но бывает иногда настроение яркое и неотразимое.

Закашлявшись от табачного дыма, машинистка вскочила со стула и, со злым лицом подбежав к окну, распахнула форточку.

Солнечный ветер и невообразимый воробьиный писк ворвались в канцелярию, и опять мне показалось, что пришла уже весна.

Взглянув на Нюру, я с радостью увидел что она смотрит на меня.

Она покраснела и сказала:

— Что вы хотели у меня спросить?

Тогда я взял бумажку и написал, волнуясь: я в .. л—ю...

Потом я закурил папиросу, пошел в красный уголок и, проходя мимо Нюры, не помня себя, я положил перед ней бумажку—и, как провинившийся школьник, шмыгнул в дверь. Я был в большом волнении. Выкурив под ряд две папиросы, я долго стоял в коридоре, как бы рассматривая стенгазету.

Мне было стыдно итти в канцелярию. Как я теперь буду смотреть на Нюру?

Я закурил третью папиросу, меня стало тошнить. Затоптав папиросу ногой, я набрался решимости и пошел работать.

Сев за стол, я стал читать отношения и чувствовал, как огнем горит мое лицо и уши мои, наверное, были краснее кумача.

Я долго сидел так, низко наклонившись над бумагами, не смея поднять глаз.

Когда мне понадобился карандаш, я долго искал его на столе, перерыл все бумаги; наконец оказалось, что карандаш был у меня в левой руке, тогда я взял его в правую руку и обмакнул в чернилицу,—настолько был я растерян.

Украдкой я взглянул на Нюру: она сидела строгая и ее черные брови были нахмурены.

У меня была одна мысль: скорей-бы гудок. Скорей-бы кончился этот стыд. И вот, Иван Егорыч смотрит на свои карманные часы и говорит:

— Сейчас будем шабашить... Без пяти... И вот кончили работать, но я не уходил, ждал, когда уйдет Нюра; она продолжала разбирать бумаги. Все ушли. Когда мы остались одни, Нюра сказала:

— Это.. неправда.

— Что неправда?

— То, что вы мне написали.

От счастья у меня заплелся язык:—

— Самая... правда... расправда...

Как вода в половодье, во мне бурлила радость.

...Мое особенное настроение заметили и дома.

Я много, без толку говорил за обедом, и отец, уставший от работы, не раз останавливал меня:

— Перестань барабанить, без тебя голова треснуть хочет. Чему вас в комсомоле учат?

Мать смотрит то на отца, то на меня. Мне весело, и я смеюсь.

Мать говорит:

— Перестал-бы ты, Саш. Чего тебя схватывает.

А у меня и в ушах и внутри паровозным гудком: Нюра, Нюра. Н..ю..у..ра.. Я пролил чай, у меня вырвался стакан из руки и разбился вдребезги. Отец кричит:

— Что у тебя в голове? о чем ты думаешь?

О девченках!

II.

Переходя к второй главе моих записок, я прежде всего хочу сказать, что сколько я ни читал книг, ни в одной из них любовь не описана по настоящему, потому что ее нельзя выразить словами, тем более не берусь за это я.

После того, что описано в первой главе, я скоро убедился, что я влюблен не на шутку и пользуюсь горячей взаимностью.

Мы с Нюрой стали часто ходить вдвоем гулять, ходить в кино и в клуб.

Повторяю, что любовь, по моему, никакими словами нельзя описать.

Я скажу одно, что она (любовь) как-бы окрыляет человека и удесятеряет жизненную энергию.

Ребята, видя, что я гуляю с Нюрой, завидовали мне и часто намекали на всякие скабрезности.

Но я не терял честь комсомольца и не позволял себе никаких глупостей и, как сдерживают горячего коня, так я сдерживал свои желания на вожжах рассудка.

А время шло. И если в феврале мне казалось, что наступила весна, то теперь была уже весна настоящая.

Нюра еще больше похорошела, в новой шляпке она была прямо красавицей.

И вот, в один прекрасный день любовь моя была омрачена ужасным чувством ревности.

Говорю—«ужасным», потому что это именно ужасное чувство.

Понятно, у нас на производстве и в конторах много молодежи, и когда ребята приходят к Нюре за справками и разговаривают и смеются с ней, в этом нет причины для ревности. И то, надо сознаться, иной раз колет в сердце.

Но вот, приходит Колька Евдохин, очень красивый, кудрявый, черноглазый и красногубый парень.

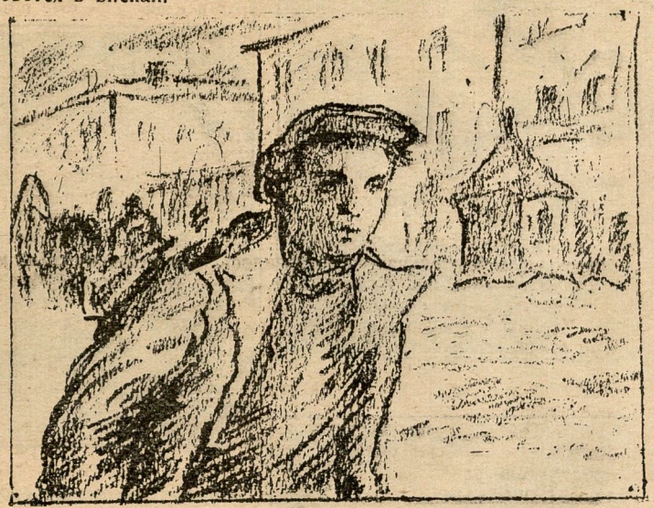
Приходит, садится к Нюриному столу и, вместо делового разговора, начинается: „хи-хи» да «ха-ха».

Это он уже второй раз, накануне этого дня сидел около Нюры почти час, теперь опять.

У него противные глаза, он так бесцеремонно оглядывает Нюру, но главное, главное в том, что Нюра тоже не совсем равнодушно смотрит ему в глаза. И вот они любезничают десять, пятнадцать, двадцать минут.

Стук пишущей машинки мешает мне слышать разговор, но я вижу смеющееся лицо Нюры и ее блестящие глаза.

Внутри у меня—горн, мне тяжело дышать. Кровь усиленно бьется в висках.

Я тотчас же побежал к Нюре.

— Товарищ,—говорю я,—частные разговоры пора кончить... Сейчас служебное время и похохотать и полюбезничать можете после работы.

Но Евдохин притворяется, будто не слышит.

— Товарищ Евдохин,—кричу я.

Нюра! Товарищ Павлова!

И вот Нюра недоумевающе, невинно смотрит ва меня, а Евдохин щурит свои острые глаза и насмешливо спрашивает:

— В чем дело? Чего ты орешь?

Какие чувства бушевали во мне, не берусь рассказывать, да я теперь не помню хорошо, что со мной было. Я был как-бы сумасшедший.

Мне хотелось в этот день напиться пьяным, залить вином безумную ревность.

Но вечером было ячейковое собрание, и это обстоятельство остановило меня.

Многие ребята заметили, что я расстроен, но они смеялись над моей любовью, а Мишка Лещев подлил в огонь масла:

— Закручинишься,—сказал он,—Нюрочка-то с Евдохиным шуры—муры.. Сам вчера видел—Евдохин у ней в гостях был. Он к ее отцу ходит в шашки играть..

Я не стал слушать, что еще стали звонить ребята, и сел в дальний угол, чтобы собрать в порядок мои мысли.

* * *

Стыдно описывать мне мою мальчишескую выходку, поступок мой был гнусен и отвратителен и моя безумная любовь не может служить ему оправданием.

Дикая, разгульная удаль захватила меня.

Было половодье, льдом своротило мост и вода широко разлилась, затопив окраины города.

Наша ячейка, как и другие, была тоже мобилизована на борьбу с наводнением, и на лодках мы поехали подавать помощь населению, пострадавшему от бедствия.

Мы выехали вечером, когда садилось солнце.

Мы неустанно гребли, нагружали лодки различным домашним скарбом и перевозили перепуганных женщин с детьми. Так мы работали до позднего вечера.

Было темно, когда нас сменили.

Небо было в мельчайших звездах, а вода холодно темнела на далекое расстояние и светились на лодках фонари.

Мокрые и очень прозябшие, мы пошли к одному парню греться.

Мать этого парня поставила нам самовар, а мы, раздевшись и положив мокрую одежду на печь, выпили вина.

И когда мы выпили, у нас развязались, как говорят, языки и тут обнаружилась вся моя подлость.

Зашел у нас разговор о девушках, и я в порыве дикой удали и ухарства стал плести самую бесстыдную нелепицу о наших отношениях с Нюрой.

Я врал с ненасытным наслаждением, я упивался гнусным и постыдным моим вымыслом, и тогда один из парней ударил меня по лицу.

Парень этот, как потом оказалось, был брат Нюры.

Я помню, я вскочил, чтобы наброситься на него, но сейчас-же повалился на скамейку, так нехорошо подействовало на меня вино.

Я смутно вспоминаю, что было потом — и совсем не помню, как я попал домой.

Два дня после этого я хворал, а когда вышел на работу, то оказалось, что и Нюра хворает.

Прошел день, два, три.

Побледневшая и тихая, пришла на четвертый день на работу Нюра.

Мою пьяную болтовню кто-то разболтал кругом, и ребята стали двусмысленно хихикать, смотря на Нюру, и говорить всякий неприличный вздор. Нюра опять заболела и через несколько дней я получил от нее письмо.

Я не буду приводить его здесь полностью.

Словом—было так.

Нюрин брат, придя домой, зашел к ней в комнату и рассказал все, что я наболтал.

— Значит, что нибудь было, значит, ты позволяешь себе лишнее, раз о тебе такие вещи рассказывают. Смотри, Нюшка.. я вот скажу отцу, пускай он тебя на веревку привяжет.

Так говорил Нюре брат.

Конечно, она была поражена. Я понимаю, как ей было тяжело все это выслушивать.

Притом она очень нервная, и все это так подействовало на нее, что она заболела нервным расстройством и ей пришла в голову страшная мысль о самоубийстве.

Прочитав письмо, я едва удержался, чтоб не завыть от ужаса и боли. Лучше-б мне было утопиться в ту пьяную ночь.

Трясущейся рукой я написал Нюре записку такого содержания:

— Нюра, дорогая Нюра... меня сгубила проклятая ревность... я был пьян... прости.. прости меня. я схожу с ума...

...Но с кем я пошлю записку? Сам я.. сам.

Я сейчас-же отправился с работы, сказавшись больным, и побежал к Нюре.

Полная женщина, Нюрина мать, открыла мне дверь и была немало удивлена, увидев парня, спрашивающего Нюру.

— Нюра лежит.. больна...

— Я... по делам службы... передайте ей вот эту записку.

* * *

Потом мне Нюра говорила, что у нее было твердое намерение выпить какой-то кислоты и только мой приход, моя записка рассеяли ее черные мысли.

Стало-быть, чуть-чуть не стал я виновником смерти самого любимого мною человека! Я бы, понятно, сошел с ума.

* * *

С тех пор прошел год. За окном опять весна, сияет и поет последний мартовский день. Сегодня праздничный день, я стою у окна и смотрю на весеннюю улицу.

Людно и весело на улице.

И вот я вижу идет Нюра с Евдохиным.

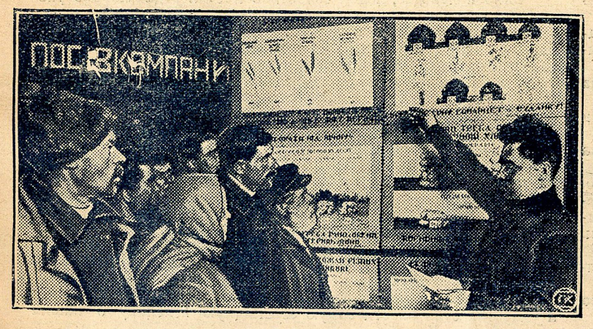
Они—муж и жена.

Мне немножко грустно, но я искренно рад за Нюру—и говорю:

— За прошлое... прости и будь счастлива...

Будь счастлива...

В Советском Союзе.

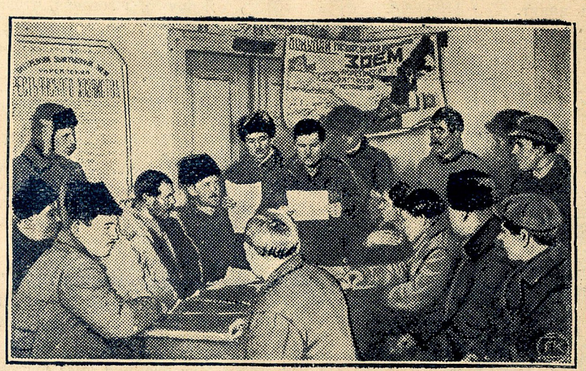

1. Кр-не слушают лекцию агронома.

2. **В. П. Милютин** *— вновь назначенный управляющим Центральным Статистическ. Управлением СССР.*

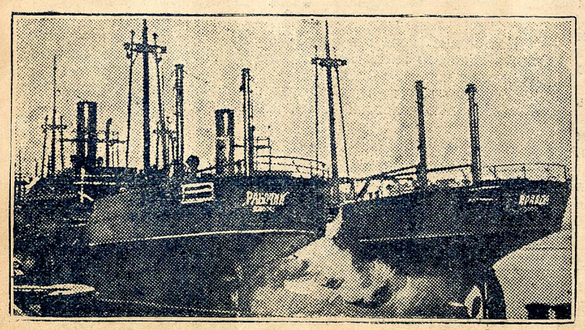

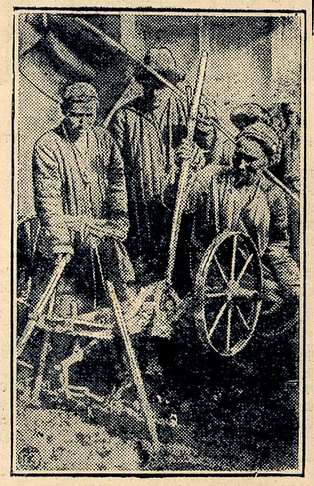
3. **Максим Горький** *в мае месяце т. г. приезжает в СССР.*

4. Пленум Комитета Кр. Взаимопомощи обсуждает вопросы посевной кампании.

5. Во Владимире кружок рабкоров выпускает радио - газету. На снимке рабкор передает очередной номер газеты по трансляции.

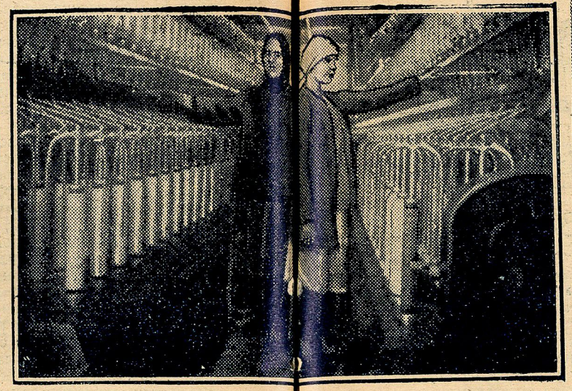
6. Лесовозы: „Рабочий“ и „Правда“, законченные в 1928 г., перед выходом в море.

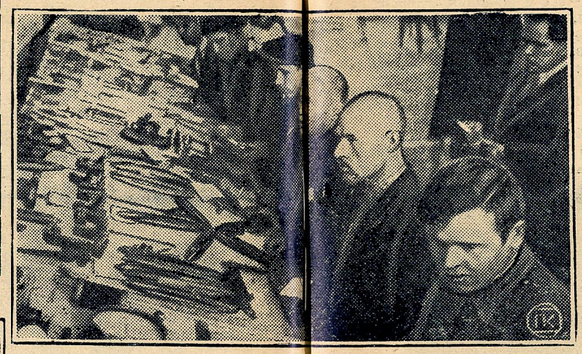

7. Киргизы об'единяются в с.-х. коллективы. На снимке — киргизы готовят к посевной работе с.-х. инвентарь.

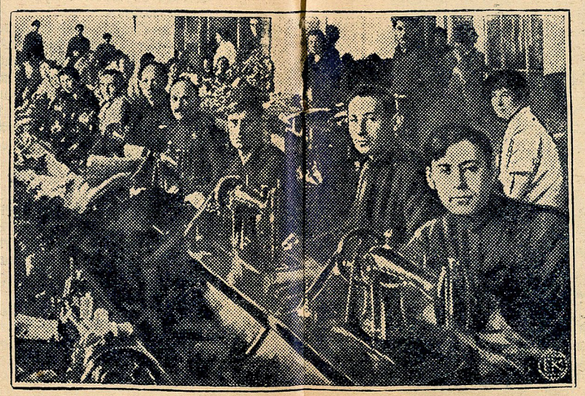
Наше производство.

Текстильная фабрика „II Интернационала“ во Владимире переходит на 7-часовой рабочий день. На снимке — ватерщицы на уплотнении работе.

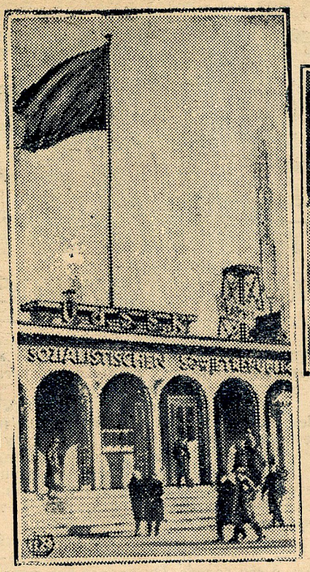

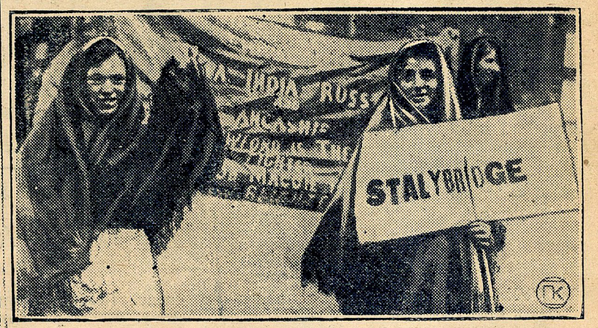
Первое Всесоюзное производственное совещание текстилей, созванное в Иваново - Вознесенске. На снимке — делегаты осматривают выставку „качества продукции“.

Недавно установленный конвейер на Симферопольской швейной фабрике имени Крупской.

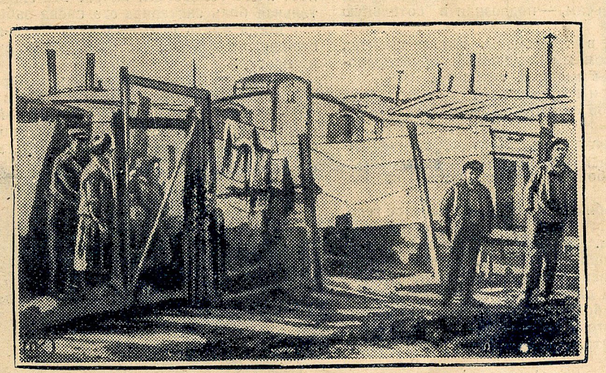
За красным рубежом.

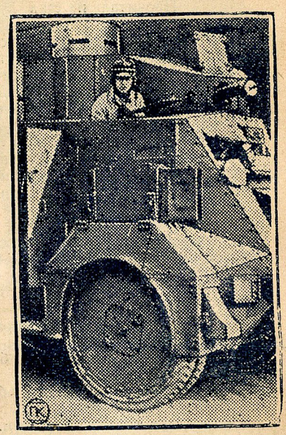

1. В марте открылась Лейпцигская ярмарка (Германия). На снимке — часть павильона СССР.

2. **Международный день работниц в Лондоне.** *На снимке работницы несут плакат с надписью: „Руки прочь от Китая, Индии и России“.*

3. В Париже есть рабочая улица, где домами служат барки, непригодные для навигации. На снимке — вид таких „домов“.

4. Недавно введенные берлинской полицией танки предназначены для уличных боев с рабочими. На снимке — один из танков полиции.

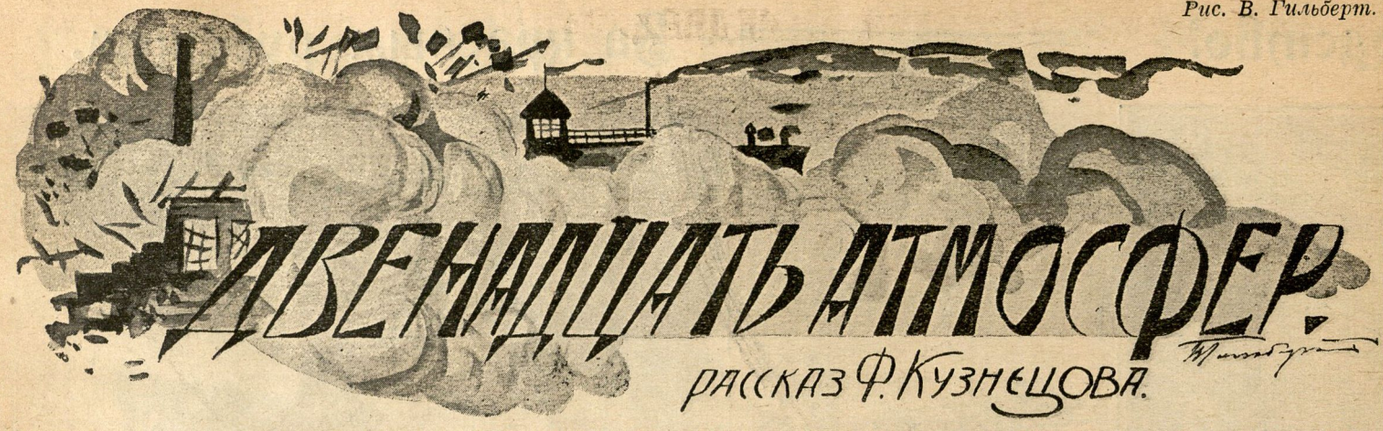
6. (Внизу вправо). — Демонстрация протеста лондонских работниц против дальнейшего снижения заработной платы. Работницы проходят в рабочей форме.

5. В Америке бедствует 4 миллиона безработных. На снимке — голодные безработные в очереди перед „суповой кухней“.

Рис. В. Гильберт.

ДВЕНАДЦАТЬ АТМОСФЕР.

РАССКАЗ Ф. КУЗНЕЦОВА.

ЧУХЛОВ пришел работать в ночную смену. Подойдя к стене, он заметил вновь прибитую табличку: „Кочегар! держи давление пара 12 атмосфер“!

Прочитал и стал думать: „Двенадцать атмосфер“! Двенадцать...

И долго эти слова держались в его голове. Раньше работал, никогда об этом не думал, а тут как-то навязчиво и упорно это „12“ засело в мозгу и не отстает.

Ярко горели топки котлов. Длинные языки пламени лизали их раскаленные стенки. Работали усиленно воздуходувные вентиляторы. Через каждые пять минут открывались чугунные люки топок. Пылало жаром. Кочегары подкидывали в топки уголь. Потные, покрытые угольной пылью, они устало дышали. На черных лицах только светились глаза и белизной блистали зубы. Гремели вагонетки по рельсам, — подвозили в котельную уголь рабочие,

Работа кипела беспрерывно, в три смены. Котлы шипели, наполняясь паром, и пар по огромным коленчатым трубопроводам тек в машинное отделение—к мощным турбинам.

Все кругом кипело, гремело и вертелось.

Под этот шум дремал Чухлов от усталости, облокотясь на лопату.

— Чухлов, смотри, сила пара двенадцать атмосфер! — чудилось ему, и он думал:

„Да, двенадцать атмосфер, больше нельзя, котлы не выдержат“.

Чухлову приятно, ласково обнимает тепло его усталое тело. Он грезит:

Десять лет советской власти. Десять лет, а кажется — прошло мгновение. Буржуев нет, помещиков нет.. а жизнь строим сами... Смотри, давление пара двенадцать атмосфер, не выше... а то случится катастрофа... Там следят, там люди опытные... а мы только кочегары.. Да и тут большая ответственность...

— Чухлов!—почудилось кто-то крикнул ему.

Очнулся, смотрит на манометр: давление пара выше двенадцати!

„Не выдержат трубы—котлы старые! с ужасом подумал он и бросился спускать предохранительный клапан...

Поздно,—раздался взрыв. Чухлова сильно толкнуло и бросило в сторону.

Дальше он ничего не помнил и очнулся в больнице. Он чувствовал сильную боль от ожогов. В памяти его воскресло роковое „12“.. Все вспомнил Чухлов и понял, что он сделался жертвой взрыва котла.

— Ну, теперь все кончено, сказал он себе и стал ощупывать рукой живот. Живот был забинтован. Потом подумал: все так просто, жизнь была, а теперь, видно, конец... Потерян труд!

При этой мысли будто сжался мозг и устало опустились на грудь руки.

Когда Чухлов открыл глаза, то увидел просторные комнаты, серые халаты, койки, скорбные лица людей.

Возле него стояла сестра в белом халате и участливо смотрела на него.

Он хотел встать, но сил для этого не было. Чувствуя бессилие, он с болью стал вспоминать детей, жену... Теперь нет для него ни жены, ни детей и сам он, Александр Чухлов, стал не он, а кусок испорченного мяса. Он теперь оторван от жизни, труда и вот лежит слабый, беспомощный на пороге смерти.

Он вспомнил свою жизнь, как боролся он за нее с самого детства.

Рос Чухлов на городской окраине, где летом пыль, а осенью грязь непролазная,—в маленькой прогнившей лачуге. Рано умер его отец, а вслед за ним и мать. Двенадцатилетним ребенком остался он один на попечении тетки—злой, моривщей его голодом. Оборванный, босой, вечно голодный рос Саша. Казалось, привыкнуть к этой жизни было нельзя, но Саша привык, и все, что для других было диким, страшным, для него простым и обыкновенным. С детства Саша работал у кустаря—скобянщика. Работать было трудно, хозяин часто ругал и бил. Но Саша рос и его тело крепло за работой.

Потом в юности у него появилась страсть к чтению книг. Чем больше читал Саша, тем больше набирался мудрости человеческой, познавал горечь обиды, силу борьбы и отвагу мысли.

Юношей Чухлов поступил и на завод кочегаром.

Он рано женился на простой девушке. Она родила ему двух детей. Дети были его заботой. Так он прожил до 40 лет.

Вспомнив свою жизнь, всю в труде, Чухлов с болью подумал:

Неужели придется с ней расстаться?

— Жизнь, труд, здоровье, радость—все в прошлом...—носилось в его голове. Он напряг все силы, чтобы подняться. Мучительная боль заставила его снова забыться.

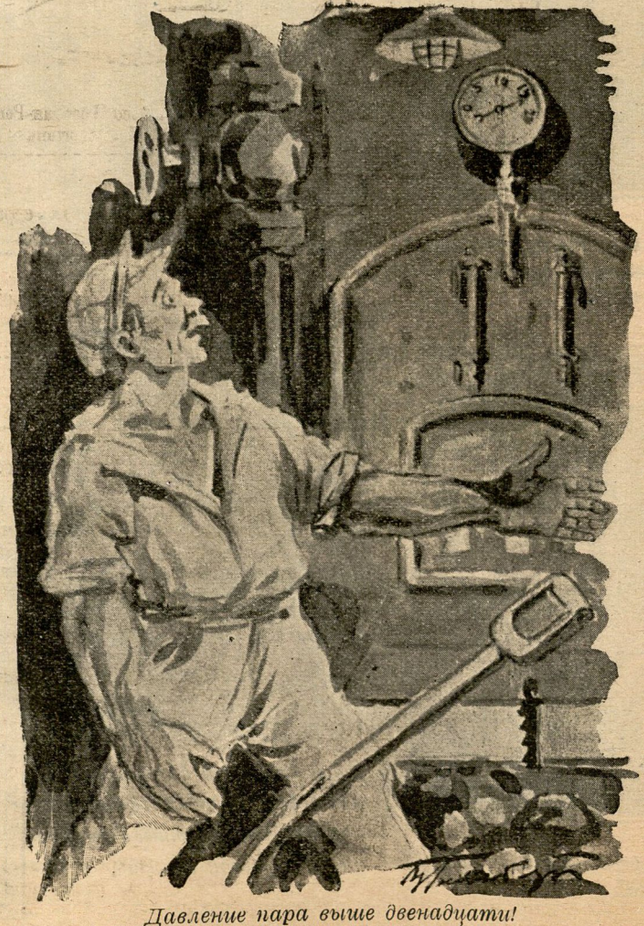
Когда опять пришел в себя Чухлов, был день. Около него стояли два врача и сестра. Один, в очках, посмотрел на него и спросил:

— Ну, как себя чувствуешь, товарищ Чухлов?

— Ничего—ответил просто, чтобы только ответить.

— Это важно. Вы человек крепкий, скоро поправитесь.

Чухлов чувствовал себя лучше, но теперь его беспокоило одно подозрение и он поспешил спросить:

Давление пара выше двенадцати!

ДРУЖЕСКИЕ ПАРОДИИ А. МЕДВЕДЕВА.

Иван Костин.

Есть ли что
В мире песни чудесней?!
Жизнь без песни
Не жизнь,—кошмар.
Хороши-ж
Особливо те песни,
За которые
Дают гонорар.
Ах, гармоника,
Ах, моя венская,
Как в стихах
О тебе не сказать?
Под тебя, ведь,
Вздыхает Дубенская
И Дюшен *) закрывает глаза.

*) Дюшен — настоящая фамилия Галины Краевой.

Александр Лесной.

День, как конь, торопливо ускачет,
Хоронясь
В ночи жуткий овал.
Почему никто в ТАПП'е не плачет,
Когда я
Ухожу в «Перевал"?
Помню детство,
Горшок и лежанку;
Помню в детстве
Рассказывал дед,
Как влюбился
В одну обезьянку
Молодой
И красивый корнет.

Рис. В. и А. Л.

Дружеский шарж на Тульских писателей. 1) Профессор Гроссман-Рощин (из ВАПП'а), 2) С. Корнев, 3) М. Колябская, 4) В. Старцев, 5) И. Костин, 6) Есипов 7) С. Дмитриев, 8) Г. Краева, 9) М. Кольчугин, 10) К. Шапошников, 11) В. Дубенская, 12) И. Кожухов, 13) А. Лесной, 14) Ф. Кузнецов и 15) А. Медведев

— Я буду способен работать?

— Конечно, уверенно сказал доктор. Минуту потерпите, мы сейчас вам сделаем перевязку.

Чухлов видел, как разматывали бинт, вскрывали ему раны на животе, он чувствовал острую боль, но мысль о том, что он вернется к труду, заставляла сердце мужественно бороться с болью.

После перевязки он долго лежал с открытыми глазами.

Наступил вечер. Горела слабым светом электрическая лампа. Кто-то бредил во сне.

Чухлов чувствовал слабость во всем теле, боли не было, и от этого было легко. Так он без мыслей лежал долго. Опять текли обычные думы: о жене, детях, заводе, о работающих с ним людях. Вспомнил своего сменщика, рабочего Болтова, веселого парня. И вдруг почему-то мелькнула в его голове мысль:

— Почему он, Чухлов, а не Болтов лежит здесь, в больнице... Подумал и стало как-то нехорошо, стыдно. Усилием воли он старался освободиться от недоброй мысли, но она точно чужой голос со стороны сверлила его мозг, пытаясь доказать, что Болтов одинокий человек и притом же пьяница, и что никому он не нужен.

— Да!—безотчетно произнес Чухлов вслух и сжал тонкие воспаленные губы.

Он оглянулся вокруг и взгляд его остановился на изможденном лице его соседа по койке. Глаза его были закрыты и он редко и тяжело стонал. Что-то точно толкнуло в сердце Чухлова. Он почувствовал, как к горлу подступил какой-то ком и сдавил его резкой болью. С трудом повернувшись на бок, он окликнул соседа:

— Болтов! тов. Болтов!

Болтов приоткрыл глаза, они были мутны и воспалены. Прикрыв глаза, он снова впал в забытье.

Полный недоумения и какой-то горячей неиспытанной любви к товарищу, Чухлов затих на койке. Его охватила жалость к Болтову, к себе, ко всем, кто, как и он, трудится и в труде не жалеет сил.

Чухлов быстро поправлялся. Через месяц его выписали из больницы.

Работал он по прежнему, только зорче стал следить за манометром и напоминающее „12" больше не тяготило, а бодрило его.

А еще через месяц выписался из больницы Болтов. Увидев его, Чухлов, порывисто бросился к нему.

— Прости, друг!

— За что?—изумился тот.

— Да, так. Случается иногда, что о товарище своем недобро подумаешь. Так прости...

— Что ты .. Ну, на...

И они крепко пожали друг другу руки.

Ф. Кузнецов.

На старую тему.

По веснам мечтательным, северным русским,
Когда задымятся поля и погосты,
Когда станет снег синеватым и хрустким,—
Что было понятно—вдруг станет не просто
По веснам мечтательным, северным русским.

Откуда-то нежность большая нахлынет,
И мартовской стылою ночью приснится
Библейское море и солнце пустыни;
И крикнет журавль—сумасшедшая птица—
Над полем притихшим гортанно и страстно
О странах далеких, о странах прекрасных...

И в комнатах темных, натопленных, тесных,
Где люди и вещи привычкою скованы,
Взрывается вечер победною песней—
Трагической песней глухого Бетховена.
И песня гремит, тишину раззадоривая.
В окне застывает карминное зарево.

Галина Краева.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ!

(К десятилетию газеты „Коммунар").

БЫВАЮТ такие светлые „несовременные" минуты досуга, когда прошлое вдруг яркой картиной побежит перед изумленными глазами.

Дым, фабрика, произвол, страх за семью, за хлеб и буря, очищающая пролетарская гроза—и снова: дым, фабрика и новые слова: партия, ячейка, фабком, социалистическое строительство..

«Товарищи! — пишет „Правда" 20 мая 1917 года,—под гнетом царского правительства было скована рабочее слово, и в подпольных условиях не могло развиваться рабочее искусство.

Одна часть рабочих поэтов и беллетристов была подавлена борьбой за существование и уделяла лишь незначительный досуг творчеству. Другая, при отсутствии рабочих газет, могла проявить себя только на страницах газет буржуазных, попадая под их влияние. Третьи целиком уходили в повседневную политическую борьбу. Пролетариат—этот титан всех революций и строитель светлого будущего человечества—должен иметь свое мощное искусство, своих поэтов и художников.

Пышного расцвета пролетарское искусство достигнет, конечно, только в социалистическом строе. Но уже теперь, когда сброшена часть оков, лежащих на пролетариате, искра свободного искусства должна разгореться в яркое пламя.

Этого властно требует момент.

Этого требует революция. Призываем поэтов, беллетристов и художников сплотиться в кружок пролетарского искусства.

Кружком будет издан ряд художественно-литературных сборников. Присылайте свои произведения, рассказы и стихотворения в редакцию „Правды".

И вот уж сотнями тысяч считается рабселькоровская армия. Тысячами — рабкоры журналисты и рабкоры писатели.

5 го мая 1928 года, в день печати наша местная, массовая губернская газета „Коммунар" справляет свой славный юбилей 10-тилетней работы.

За 10 лет с „Коммунаром" выросла и окрепла боевая рабкоровская армия. Со всех фабрик, заводов, рудников и шахт губернии ежедневно в редакцию поступают сотни рабкоровских писем. Через печать учатся массы строить социалистическое государство. Печать воспитывает, организует новые культурные силы из миллионов трудящихся масс.

В своем письме к тульским рабкорам и селькорам, Максим Горький назвал рабкоров и селькоров будущей силой страны. Ваша масса,—пишет он,—должна выделить для страны прекрасных журналистов, людей, которые не устанут в борьбе с гниленькой старинкой".

Рабкоры и селькоры—неисчерпаемый резервуар, из которого берутся новые силы пролетарских писателей и журналистов. Из рабкоровских резервов „Коммунара" и у нас в Туле вышла группа рабочих писателей и журналистов.

Рабкоры-поэты и писатели.

Тов. Шапошников с детства работал на патронном заводе. Потом перебывал почти у всех гармонных кустарей Чулкова. Бегал 3 года в Чулковскую воскресную шк лу изучать начальную грамоту. После работал на винокуренных заводах и последнее время—на оружейном заводе.

Писать в „Коммунар" начал с 1923 года маленькими заметками, а в 1925 году в „Коммунаре" уже печатаются его рассказы „Кумушки" „Жизнь заставила" и ряд других мелких рассказов и бытовых очерков.

Тов. Шапошников уже начинает овладевать литературным языком, он много и добросовестно работает и читает.

Тов. Миляев, сын ломового извозчика, 13 лет поступил на ткацкую фабрику. После Октябрьской революции с 1919 года работал на патронном заводе, где организовал первую стенную газету.

В 1924 году, как один из активнейших рабкоров, он был приглашен редакцией газеты „Коммунар" работать в качестве инструктора и организатора рабкоров.

Сейчас тов. Миляев больше общественник-журналист, чем писатель. Он постоянный сотрудник „Коммунара" и пишет, главным образом, о том, что волнует рабочих, что в данный момент наиболее ярко отражается в их быте и производстве.

Хорошо в Миляеве то, что он хочет учиться и учится и в рабфаке, и в партшколе, и в других кружках, и у жизни, и у книги.

В журнале „Молот", а раньше в журнале „Ватага", с 25 года появляются очерки и рассказы рабкоров Островского и Стрекопытова.

Совершенно исключительное место среди рабкоров-писателей занимает тов. Кольчугин.

Тов. Кольчугин родился в деревне и жил в ней до 15 лет.

С 16 лет он поступил на чугуно-литейный завод, потом на сахарный, на железную дорогу, два года работал забойщиком в шахтах

С 1922 года начинает писать заметки в „Коммунар", потом очерки, стихи, рассказы.

«Пишу только тогда, когда меня что-нибудь волнует»,—говорит о своей работе тов Кольчугин.

А волнует его многое—вся жизнь, вся новь, вся советская стройка.

Едва ли не лучшие его стихи посвящены губернскому с'езду советов, его крестьянским делегатам и делегаткам.

Работает тов. Кольчугин на транспорте и пишет рассказ „Пути через болото". Едет на курорт и привозит „Каменные волны", „Счастливый путь". Работает на шахтах и дает повесть „Угольные люди".

У тов. Кольчугина есть уже две отдельных книжечки рассказов. Пишет тов. Кольчугин больше о деревне, знает он деревню и любит ее и о ней у него лучше всего написано.

Вот, например, ряд стихотворений, посвященных 12-му губернскому с'езду советов:

Наша жизнь—бурлящее кипенье.
Радужен наш путь—лучист.
На заводах, фабриках, в деревне
Закрепляются в бетоне кирпичи.
На окраинах—дымные заводы.
Электрические зори в деревнях.
Улыбаются заводы полю
И заводам—улыбаются поля.

Это слова подлинного поэта, которого волнует жизнь, волнует его родное, социалистическое строительство.

Встречая крестьянку-делегатку на с'езде, Кольчугин говорит:

Она послана на с'езд советов
Помогать устраивать дела.
Привезла она с собою лето,—
Черноземный запах привезла.
Бел платок в мал новых на[крапах],
Расстелен махрами на плечах.
Краснокрылые на желтых лапах
Петухи на дутых рукавах.

Надолго, если не навсегда, запоминается этот яркий эскиз о крестьянке-делегатке.

А вот делегаты крестьяне:

Эта жизнь так песнями богата,
Лейтесь песни! Нечего робеть,
На трибуну вышел бородатый,
И о нем ли песню не запеть?
Прояснился будто день погожий.
Всех словами на вожжи берет.
Голова большущая похожа
На ржаной желтеющий омет.
— Многополье—
Слышал я, сказали,
— Агроном нам нужен поскорей,
И в глазах—заклеверилась зала
Розовеющей бескрайностью полей.

Так радостно воспринимать с'езд советов, найти такие красочные слова и образы мог только подлинный пролетарский поэт.

Тов. Кольчугин начал заниматься художественной литературой всего 3-4 года назад. Он—рабочий, самоучка, ему нужна школа. И это он хорошо знает и над собой и над своими произведениями много работает.

Мы с удовлетворением отмечаем, что рабкоры, столкнувшись с литературой, с художественным словом, ярче, острее начинают понимать значение грамотности, значение школы и книги. Они идут в школы, на рабфаки, в ВУЗ'ы, с жадностью читают новые книги и новые журналы. В этом залог нашего роста, в этом залог успеха пролетарской литературы.

В Тульской ассоциации пролетарских писателей группа рабкоров писателей сейчас представляет довольно крепкое рабочее ядро. В своей работе ассоциация принимает все меры к тому, чтобы, как можно больше привлечь в свои ряды рабкоров, пробующих свои силы в художественном слове.

Отмечая 10-ю годовщину газеты „Коммунар", воспитавшей местные писательские силы, Тульская ассоциация пролетарских писателей шлет свой коммунистический, пролетарский привет юбиляру — газете „Коммунар" и всем ее сотрудиикам, рабкорам и издателям — Губкому ВКП (б), Губпрофсовету, Губисполкому и Горсовету.

„Рабкоры и селькоры должны рассматриваться, как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели".

Эту директиву 13-го с'езда партии, вместе со своей партией, вместе с редакцией газеты „Коммунар", Тульская ассоциация пролетарских писателей выполняет и будет выполнять до создания в Туле крепкого, сильного кадра местных рабочих писателей и поэтов.

С. Корнев.

Тульская губконференция пролетписателей.

ТУЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ.

ЭТИ наброски не являются глубоким анализом произведений перечисленных ниже моих товарищей по перу. Это только попытка представить тульского писателя тульскому читателю, желание поделиться с этим читателем теми настроениями и ощущениями, которые наши писатели в каждом из нас вызвали. Мы сами по этому поводу очень и очень мало пишем. Еще меньше об этом пишет наш читатель. Правда иногда попадают теплые товарищеские строки: «Вот то-то и то-то, дорогие товарищи, у вас хорошо, вот это слабо. Учитесь, мы за вами следим. Следим за вашим ростом, за вашим развитием... Так пишут рабочие. Такие письма бодрят, заражают творческой энергией, вдохновляют.

А есть и другие письма. Полные чванства, бравирования невежеством их авторов: — « Я вообще новых писателей не признаю, а тульских в особенности! говорит одна записка, поданная пишущему эти строки на одном из литературных вечеров ТАПП,а. Но таких записок немного, а по этому оставим их и их авторов в покое и вернемся к нашей основной теме—к тульским писателям.

Сидят: 1. В. Старцев, 2. С. Корнев, 3. М. Кольчугин, 4. М. Колябская.
Стоят: 5. В. Иванов, 6. А. Медведев, 7. К. Шапошников и 8. А. Ватажин.

Сергей Дмитриев.

С Сергеем Дмитриевичем Дмитриевым я познакомился в 1921 году. Работал я тогда в одном из уездных городов Тульской губернии, куда тульская газета „Коммунар" приходила целыми тюками. Скучна она была убийственно. Как сейчас, представляю себе эти серые однообразные газетные простыни. А среди них точно оазисы среди безбрежной пустыни рассказики и очерки Сергея Дмитриевича. Всегда живые, всегда бодрые, всегда способные зацепить за сердце, а кроме того и многое оставить в читательской голове.

Потом обстоятельства сложились так, что я попал в Тулу на постоянное жительство, и это дало мне возможность сойтись с Дмитриевым ближе и ознакомиться с его творчеством шире. Это мне дало возможность понять, что Сергей Дмитриевич не только так строг к начинающим писателям и поэтам, но и к самому себе. Я узнал, что он долго и упорно работает над вещами, которые, на мой взгляд, были вполне закончены и в художественном отношении безупречны. Но старая литературная выучка, солидный писательский стаж (Дмитриев печатается с 1913 года) все это приучило Сергея Дмитриевича относиться к своему творчеству внимательно и не гнаться за дешевыми лаврами. По своей творческой установке Дмитриев бытовик, но не фельетонист и не фотограф. Его революционный „бытовизм" всегда синтезирован, всегда обобщен и художественно оформлен. Возьмите учителя, комиссара и целый ряд других героев из повести Дмитриева „Степные просторы". Разве они не типичны? А два жулика из рассказа «Шпана»? Дунька—крестьянская девушка-комсомолка, убегающая в комсомольскую ячейку из под венца? (См. рассказ «Донька» журнал Пролеткульта «Горн».) Наконец Санька (журнал «Ватага» пошедший против отца—мироеда.. Все это теперь откристаллизировавшиеся в жизни типы и Дмитриев, как художник, уловил, воспринял их своим художественным чутьем своевременно и верно.

В короткой журнальной статье нет возможности разобрать всего, что написано Дмитриевым. (А написано им порядочно). У нас как-то не умеют ценить и беречь своих художников, своих писателей и поэтов. В данном случае руководятся, повидимому, пословицей, что «в своем отечестве пророков не признают». Но нет никакого сомнения в том, что тульский читатель когда нибудь от этой точки зрения откажется, то в эти счастливые времена Сергей Дмитриевич Дмитриев несомненно будет одним из первых писателей, достойных читательского внимания и более бережного отношения со стороны этого читателя.

Василий Старцев.

Василий Дмитриевич Старцев впервые выступил на тульском «горизонте» с небольшими рассказами. Рассказы простые—легко читались. Старцев нес свои рассказы к читателю под девизом. «Так было!» Читатель прочитал и согласился с писателем: —„Ага, так действительно было".. Старцев описывал действительные события так, как он их подсмотрел в жизни и преподнес читателю, не пропустив их через фильтр писательского замысла. А отсюда отсутствие интриги. Без интриги-же произведение мало заинтересовывает читателя.

На одном из общих собраний членов ТАПП'а Старцеву указали на его промах. Он принял указание молча. А через год на одно из очередных собраний притащил уж повесть. Сперва она называлась «Вихри», а потом ее автор перекрестил в «Бураны». И вот здесь, в этом произведении,—нужно отдать должное,—Старцев со своей задачей писателя справился, можно сказать, „на все сто процентов". Повесть „Бураны" вообще заслуживает внимания, как читателя, так и издателя. Плохо вот только одно, что она напечатана в узко-партийном журнале „Авангард» и до массового читателя не дошла. Будь эта повесть помещена в литературном журнале, а еще лучше издана отдельной книжкой, она, несомненно, читательским вниманием обойдена-бы не была.

„Бураны" и в формальном отношении и по содержанию сделаны безупречно. Умело завязанная интрига (любовь Пашки-Варнашки и чалдонки Прасковьи), а вокруг нее широко развернутый сюжет—стройная цепь картин из гражданской войны.

Кое кто упрекает Старцева в том, что он будто-бы взял для своей повести не новую тему, что тему о гражданской войне использовали Всеволод Иванов и другие писатели. Стоит ли говорить о том, что подобный упрек не заслуживает ни малейшего внимания. Гражданская война настолько большая тема, что хватит на сотню Ивановых и Старцевых. Сюжетная-же, да и общая установка повести Старцева, вполне оригинальна и ничего общего с произведениями Всеволода Иванова не имеет.

В моем наброске о В. Старцеве, отзываясь критически о первых рассказах этого писателя, я совершенно не имел ввиду его позднейшие рассказы: „Голышка" „Искры и пламя" „Фролка-заводчик" и многие другие как вышедшие отдельными книжками, так и печатаемые в журналах. Эти рассказы вполне хорошие и о них я много распространяться не буду.

Иван Кожухов.

Иван Гаврилович Кожухов исключительно крестьянский писатель бытовик. Первые его очерки и рассказы начали печататься в газете „Деревенская Правда", а потом в тульских сборниках и журналах. Кожухов —деревенский парень—самоучка. Ни средней, ни высшей школы он не прошел, зато прошел суровую школу жизни. Характерно в Кожухове то, что ни при каких обстоятельствах, как-бы они тяжелы ни были, он головы не вешает. Творчество его также глубоко оптимистично. Кожухов писательскому ремеслу учился у классиков, и в его творчестве чувствуется глубокое влияние Гоголя. Но Кожухов ушел от подражания Гоголю, преодолел его, и в этом его главная заслуга.

Тулпечать издавала и до сих издает книжечки тульских писателей и хорошо делает, что издает. Но она почему-то до сих пор не издала Кожухова. А у него ведь есть, что издать: Такие вещи, как „В омуте темном", „Про быка и жениха", „Про Антона и Мирона", с удовольствием прочтутся рабочими и крестьянами.

Алексей Медведев.

В средине старые тульские писатели С. Дмитриев и Ф. Кузнецов.
Тульские поэты: Галина Краева и П. Добрынин (сидят), И. Костин, Юрков и А. Лесной (стоят).

Профессор литературовед Гроссман-Рощин беседует с поэтами из районов: 1. Степин, (Белев), 2. Семенов (Дубна), 3. Власов (Белев), 4. Гроссман-Рощин (ВАПП), 5 и 6 (стоят) Есипов и Степина (Белев).

ТУЛЬСКИЕ ПОЭТЫ.

НАСТОЯЩИЙ очерк, ограниченный журнальными строками, не позволяет дать широкого и всестороннего обзора творчества тульских поэтов.

Тульские поэты в большинстве—рабоче-крестьянский молодняк, еще не нашедший себя, не оформившийся, весь почти в преодолении формальных препятствий, нащупывающий свои творческие пути. Как о поэтах, более или менее определившихся, можно говорить о немногих: о Медведеве, Краевой, о Костине и Лесном.

Крестьянин туляк, в деревне подпасок, А. Медведев по преимуществу поэт новой советской деревни.

Он любовно рисует картины деревенской страдной поры:

«На гумнах запах пота, дегтя,
Веселый гам, ребячий бег...
«Всю ночь телеги проскрипели,
Бросая грохот в большаки,
А на телегах песни пели
Об урожае мужики...

Его пленяют картины природы:

«Я еду. Мне так хорошо
Средь шири распростертой...
Чем больше-дальше еду я,—
Даль ласковей, чудесней,
И хочется в глухих полях,
Разлиться вольной песней»!

И А. Медведев поет, поет торопливо, спешит «разлиться песней», часто мало заботясь о художественности стиха.

В его песнях—бодрые, трудовые крестьянские настроения, лирика родной природы, в его веселых частушках — новая, перестраивающая свой быт деревня.

Но в обстановке мирного, созидательного труда, поэт не забывает того времени, когда

«... в беспрерывных походах
Да в боях наши дни проходили»

и бережно хранит «суровых дней подругу»—винтовку на стене.

Формальными достижениями стихи А. Медведева не блещут, но в них теплится неподдельное чувство, подкупающая искренность.

—

Несомненно, одаренная поэтесса—Галина Краева, с большой любовью, вдумчиво и серьезно относящаяся к слову.

Ее стих наивен, легок, а порой чеканен и остр.

В ее стихах видно мастерство:

«Эти дни неудержимым роем,
Но в Китае велики года.
Жили тихонько трое:
Ми,
Отец
И нужда.
Легка и мала иголка —
Легка и мала, как миг —
Ми вышивала шелком,
Только всегда для других».
[Из стихов о Китае].

Она поет о плакате, что в боевые дни принес в окопы «Кремлевский горячий привет».

Большинство стихов *Ивана Костина* посвящено воспоминаниям о гражданской войне,

о «кошмарной хронике» двадцатого
года, о годах, которые
«не забыть под тальянку».

И. Костин поэт неуравновешенный.

Он искренне восклицает:

... разве на сердце сядет тоска
На такой разудалой земле!

Но вслед за этим в его стихах часто звучат надрывные, больные есенинские ноты.

Но в последних стихах они звучат глуше. Костин—поэт совсем молодой, и мы верим, что здоровые начала его поэзии окончательно победят эту пессимистическую болезнь.

Совсем молодой поэт и *Ал. Лесной*. И у него в стихах, как у многих молодых поэтов, воспевается «тальянка».

Но эта «тальянка» не заедающая, не Костинская,

«падал звонкий листопад
В темный палисадник,
Звал гармоньи бойкий лад
На осенний праздник».

Лирический, печальный мотив нередко звучит в стихах Лесного, но его лирика здоровая, не хныкающая.

И бодростью, энергией веют многие его стихотворения.

«Усталость что?
Ее не знают плечи.
Ты грустною ни разу не была,
Когда-ж грустить,
Коль в краснощекий вечер
Райком,
Ячейка,
Новые дела ..

Из молодняка следует еще отметить Ф. Гулявина, И. Сухотина, Добрынина, Юркова и Есипова (из Белевского филиала ТАПП).

Перед тульскими поэтами большие задачи.

Выпрямить идеологическую линию, выработать в себе чувство строжайшей самокритики, напрячь все силы к преодолению формы.

С. Дмитриев.

Весеннее.

Я считаюсь совсем будто взрослым,
Говорят, что мне тридцать лет,
Но вот в каждую новую весну
Я дыханьем весенним согрет.
Я люблю эти рябые лужи,
Ручейков говорливый напев.
Разве плохо ватагою дружной
Выезжать на весенний посев?
Разве плохо заржавленным плугом
Отдирать чернозема пласты,
А в обед,
Скалозубя друг с другом,
Уходит отдыхать под кусты!
Там варить с салом пшенную кашу,
Разводить сорняками костры,
А потом о набухшие пашни
Вплоть до вечера плуги острить.
Хорошо возвращаться усталыми
Под пастушье вдали: ти-ра ри.
Хорошо любоваться сверхалым
Нагораньем весенней зари.
Я считаюсь совсем будто взрослым.
Говорят, что мне тридцать уж лет,
Но вот в каждую новую весну
Я весенним дыханьем согрет.
С умирающими звонами
Мысли—грезы приплыли.
Я пойду бродить загонами
Свежевспаханной земли.
Под знакомою ракитою
Сяду я и отдохну,
Песню старую, забытую
Я припомню, затяну,
Песню, что с отцом певали мы
В дни весенней пахоты;
В этой песне выливали мы
Наши думы и мечты.
Этой песне даль откликнется
Вздрогнет ночи тишина,
Отдохнет душа и свыкнется
С вольной жизнью цыгана.

Алексей Медведев.

ЮМОР

Рис. В. Сэпп.

ГИБЕЛЬ ПЛАНЕТЫ.

(Фантастическая юмореска).

ОБСЕРВАТОРИИ всего мира с высоких мачт радио перекликались тревожно. Седоволосые, с многотомным научным стажем, астрономы не отходили от гигантских телескопов. Жуткая истина с каждым часом становилась очевидней: планета Марс, повинуясь каким-то таинственным законам, изменила свое движение по утвержденной веками орбите и с быстротой падающего франка неслась по направлению к земле.

Репортер Сикашихин быстро говорил жене:

— Ты пойми. Мировая катастрофа неизбежна. Земля, как фарфоровая чашка, сброшенная со стола, разлетается вдребезги. Гибнет тысячелетняя культура. Работы человеческого гения погребаются под грудами обломков. Ведь тут же заметка на 250 строк.

— Вот у нас всегда так,— язвительно прошипела жена.—Еще на прошлой неделе просила купить тебя 8 метров батиста, а ты все откладывал. Теперь, небось, торговцы с этой мировой катастрофы процентов на 200 цены вздуют.

Мировая катастрофа неизбежна...

Сикашихин невидящими глазами посмотрел поверх жены:

— Ты думаешь? Сейчас же бегу узнать положение рынка. «Частные торговцы спекулируют на гибели земли». Ведь под таким заглавием полтораста строк любой редактор, не читая, пропустит. Уф... Ну, и гонорарчик же я сорву на этом столкновении!

Улица бушевала. Газетчики орали истошными голосами:

— Все читают газету „Красный Кумач". Интервью с балериной Свешниковой о предстоящей катастрофе. Статья протоиерея Введенского „Как должен вести себя обновленец в раю". Исследование мозольного оператора Абрама Донды „Страдают ли марсияне от мозолей!".

Все читают газету „Красный Кумач".

Обезумевшие люди с холодным ужасом в остановившихся зрачках метались по тротуару.

У магазина Пенькотреста стояла громадная очередь.

Сикашихин полюбопытствовал:

— Почему здесь такой хвост? Что вы хотите купить?

— Гамаки.

— Га-ма-ки? На чорта вам гамаки?

— То есть как это—на чорта? Земля гибнет. В аду топливный и жилищный кризис. Естественно, что нас жилотделы того света размещают в раю. Кроватей нехватает. Так мы привязываем к этим ихним райским кущам гамаки и чувствуем себя, как дома. Я за гамаком стою, а жена за примусом хвостится. Тоже, хоть и в раю, а в сухомятку-то не особенно приятно лопать.

В это время на рекламный киоск мальчишка клеил афишу.

В церквах шли беспрерывные моления. Предприимчивые священнослужители бойко торговали билетами на право вкушения райского блаженства.

— Ты чтож, бабка, червонец-то даешь рваный? Тож-же! В рай пропихнуться хочешь, а господа бога негодной валютой снабжаешь.

— Вы говорите у вас 5 рублей? За 5 рублей можем дать билет только с пересадкой. В чистилище столетие в карантине пробудете, а потом с товаро-пассажирским в рай.

Священнослужители торговали билетами в рай.

— С плацкартой, гражданка, 25 и ни копейки меньше. Что? Гробик? Гробик свой. Зато в вагон-ресторане можете получать просфоры и церковное вино. Все удобства. На ночь выдается чистый саван. Апостол Петр плацкартным в первую очередь выдает виды. Архангелы сорганизовались в артель носильщиков. Цены без запроса.

— Правый боже,—подумал Сикашихин,— как еще силен дурман религии, и, вынув червонец, купил себе для всякого случая жесткое место до рая в деревянном гробу.

Страшный грохот потряс воздух. Изломы сверкающих молний забороздили небо. Кроваво-красный диск солнца закрыла громадная тень. Первыми рухнули коммунальные дома, собор, движимый оползающей почвой.

Пользуясь общей паникой, воры спешно снимали с собора купола. В портерных посетители отказывались платить за упавшие от подземного толчка со столов еще не начатые бутылки пива. Милиционеры собирали обильные штрафы с выпадающих на ходу трамвая пассажиров.

Мы на земле? Она не погибла?

И вдруг... земля раскололась, как грецкий орех от удара килограммовой гирей. Столбы пыли, летящие вверх камни, фонари электротока, десятипудовые отчетности разных трестов—все смешалось в безумном грохоте и треске.

Марс налетел на землю.

— Послушай,—толкал Сикашихин жену в бок,—Маня! Да проснись ты, чертова кукла.

— Ну? Что тебе?

— Мы на земле? Она... не погибла?

— Да ты, что? В своем уме? Говорила тебе вчера,—не пей...

— Значит... Значит, я все это видел во сне? Обидно. Какие заметки зря пропали. Какой гонорар! Погибни эта глупая земля—верных пятнадцать червяков заработал бы. Э-эх. Не везет!

Конст. Шелонский.

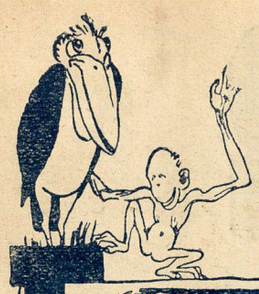
Издатель— газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, Я. Медведев, В. Старцев.

Адрес редакции: Тула, угол ул. Коммунаров и Менделеевской, д. № 2. Телефон 1-76

Гублит № 424. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 1772 Тираж — 5000 экз.

ИЗ ЖУРНАЛОВ.

Пойдем посмотреть, новых заграничных зверей привезли.
— Каких?
— Экземпляров!

(„Бегемот")

НАД ПРОПАСТЬЮ.

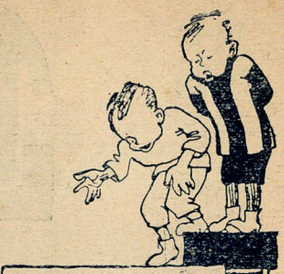
Экзамены в Вузы показали недостаточность подготовки ко второй ступени.

Профессор — Тянитесь, тянитесь!..

Школьник: — Ой, кажется, невыдержу!

(„Смехач")

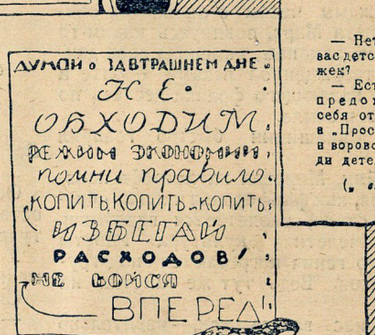

— Нет-ли у вас детских книжек?
— Есть: „Как предохранить себя от детей" и „Проституция и воровство среди детей"

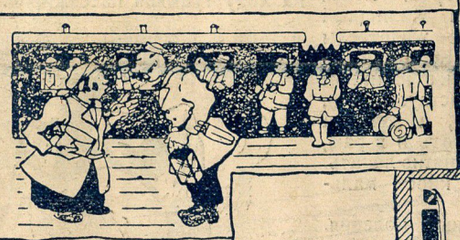
(„Бегемот")

ОБОШЛИ

С осени между Ленинградом-Москвой будут ходить курьерские поезда.

— Что-же это за порядки у вас? Насадили всякой посторонней публики, — а мне *курьерше*, в своем-то поезде и местов-то нету! А?

(„Бегемот")

РАЗГОВОР ОБЕЗЬЯН.

— Неужели и этот парень, что мне в рожу папиросу тычет наш потомок?
— Что делать? В семье не без урода.

(„Крокодил")

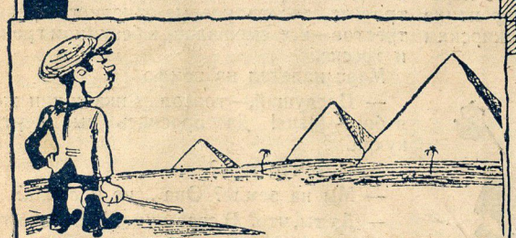
— Неудобно знаете-ли, относиться к режиму экономии свысока. Вот я и повесил лозунг повыше, чтобы *снизу вверх* читать.

(„Крокодил")

В КОРЕНЬ и ПОД НЕГО.

В очереди и лучший друг повертывается к тебе спиной.

(„Крокодил")

ПОСЛЕ ПРОВОДОВ.

— Ну как иностранные то гости,—речи, чай говорили?

— Говорили, — только плохо—понять ничего нельзя, а вот переводчик говорил, так тот действительно здорово!

(„Бегемот")

— Для замка XIV века он прекрасно сохранится.
— Еще-б ! Производство до военного времени !

(„Le Rire")

ХОТЬ ВИДИТ ОКО...

— Э-эх... И мильтона нет, и памятнички фарфоновы, что надо, да не унесешь!

(„Смехач")

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ „МОЛОТ"! ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 10 КОП.